

Шуранова Е.Н.

Советы в нэповской деревне: восприятие крестьянами // Местное самоуправление в истории Сибири XIX-XX веков. Сборник материалов региональной научной конференции. Новосибирск, ИД "Сова", 2004.

Деревенские (сельские и волостные) советы как органы местного самоуправления активно изучались уже в советский период. Анализировались они преимущественно в качестве объекта партийного руководства [1], то есть подходы к исследованию работы местных советов воспроизводили монологический (если воспользоваться терминологией А.С. Ахиезера [2]) способ общения власти с народом.

Взгляд крестьян на местные органы управления, степень доверия к ним, в известных нам трудах как самостоятельный предмет исследования почти не рассматривались. Частично эти вопросы исследует в своей докторской диссертации И.С. Кузнецов. Он констатирует, что отношение крестьянина к государственной власти продолжало варьироваться в традиционном диапазоне - от анархического своеволия до покорности и упования на высший авторитет. При этом отмечается диаметрально противоположная позиция сибирского крестьянства к высшей (особенно центральной) и местной власти. К первой оно испытывало пиетет, ко второй же - недоверие, подчас враждебность (особенно к партийцам - из-за их активного участия в продработе, малограмотности, "бесхозяйственности", склонности к "командованию"), в середине 20-х гг. - равнодушие. И.С. Кузнецов расценивает как преувеличенные позитивные изменения в настроениях крестьян, выявленные комплексными обследованиями сибирской деревни в середине 20-х гг.: новую власть крестьянство приняло, но своей не считает [3].

Вышеперечисленное побуждает нас задать следующие вопросы. На каких основаниях можно судить о доверии или недоверии населения, отдельных его слоёв к тому или иному институту? Как понимали коммунисты-руководители и рядовые партийцы демократизацию советов? Насколько серьёзно ставилась партией эта задача? Знали ли партийное руководство, как (и почему именно так) относится крестьянство к Советской власти вообще, к местным советам и их демократизации в частности? Совершенно, на наш взгляд, не изучены - мы их пока только пытаемся осветить в первом приближении - вопросы о выявлении глубинных черт крестьянского менталитета, определявших его взгляды на местную власть и контакты с нею, о взаимодействии этих имманентных свойств с динамикой социально-политической ситуации.

Возникает исследовательская задача адекватной интерпретации источников. Одним из привлекательных методов её решения является микроанализ текстов. Поэтому сконцентрируемся на сюжете о неудачной выборной кампании осени 1924 г. и последовавших за этим перевыборах в начале 1925-го.

В обобщающем труде "Крестьянство Сибири в период строительства социализма..." указываются следующие недостатки перевыборной кампании 1924 г.: "военно-коммунистические" методы подхода к трудящимся, нарушения советской демократии и законности, малочисленность беспартийного бедняцко-средняцкого актива, индифферентность части населения к работе советов. О повторной кампании февраля-марта 1925 г. говорится, что крестьянство выражало удовлетворение политикой "оживления советов", что нашло отражение в росте их избирательной активности и повышении доверия к Советской власти и Коммунистической партии [4].

Аналогичная характеристика даётся выборной кампании осени 1924 г. в монографии Н.Я. Гущина и В.А. Ильиных. Касаясь повторных выборов, они отмечают одобрительную позицию середняка, пассивность беднейшего крестьянства, недопонимание "оживления советов" некоторыми местными партийными организациями (восприняли как уступку кулачеству), сокращение доли коммунистов в сельсоветах. Представляет интерес приведённая авторами оценка сложившейся

ситуации центральным партийным органом печати и секретарём Сибкрайкома РКП(б) С.И. Сырцовым, обусловившая переориентацию политического курса на работу с беднотой. В "Правде" Сибирь была названа в числе регионов, где кулацкой верхушке удалось отчасти повести за собой крестьянские массы, а партийный функционер расценил значительное преобладание середняка в советах как угрозу его блокирования с сельской буржуазией [5].

Подготовка к осенней выборной кампании 1924 г. подразумевала активную работу по целенаправленному формированию нужного состава местных советов и контролю над настроениями крестьянства. Этому был посвящён целый набор секретных циркуляров. Омский губисполком на основании распоряжения НКВД доводил подробнейший перечень из 15 вопросов об отношении крестьян к выборам, которые необходимо было осветить в докладе об отчётно-выборной кампании [6]. Щегловский уком РКП(б) указывал, что основное ядро работников сельсоветов и райисполкомов должно состоять из коммунистов, "отвечающих деловым требованиям". В состав советов следовало вовлекать бедноту, демобилизованных красноармейцев, батраков, учителей, "целиком стоящих на платформе Советской власти". Надлежало информировать уком партии о ходе кампании каждые две недели [7]. Председатель Ново-Омского уисполкома и уездной избирательной комиссии сообщал Омскому губизбиркому о рассылке по районным комиссиям "сводки важнейших указаний относительно проведения перевыборов, подбора личного состава и проч.". О старательном их выполнении свидетельствует обмен телеграммами между Крутинской районной избирательной комиссией и председателем Омского уисполкома. Райизбирком спрашивал, кого надо проводить председателем райисполкома, а уездная власть в ответ называла конкретную фамилию [8].

Уровень избирательной активности крестьян справедливо расценивался представителями власти как показатель доверия к структурам власти. На организованном ЦИК СССР совещании по советскому строительству (которое и приняло решение о новых перевыборах в советы там, где участие избирателей составило менее 35 %) видный работник наркомата Рабоче-крестьянской инспекции Я.А. Яковлев приводил среди прочих данные об участии в выборах по Новониколаевской губернии. Они колебались от 18,7 % имевших право голоса в Каменском уезде до 68,9 % - в Черепановском. При этом он предполагал, что в избиратели могли зачислить не всех взрослых граждан обоего пола, а только глав семейств [9] - в соответствии с традицией сельских сходо́в. Корреспондент "Советской Сибири" А. Маленький в серии статей об обследовании Сычёвского района Бийского уезда тоже подметил: "В большинстве случаев на сход является представитель двора - глава семьи. И если деревня пишет, что на выборах участвовало 20 проц., это значит, участвовало 20 проц. дворов" [10].

Завышение показателей участия населения в выборах имело и другие причины. Даже в тех местах, где явка была ниже 35 %, говорилось в отчёте Алтайского губисполкома, при проверке данных избиркомов выявилось, что кое-где участие в выборах показано в три раза выше, чем на самом деле [11]. На Томской губернской партийной конференции (декабрь 1924 г.) высказывалось сомнение по поводу 30-процентного участия избирателей в выборах против 15 % в прошлом году: "Ибо патриотизм мест, "административный восторг", [стремление] не ударить в грязь лицом перед уездом, губернией: подталкивают низы в статистических данных - преувеличивать" [12]. Председатель Ленинского райизбиркома Щегловского уезда так объяснял слабое участие крестьянского населения в осенних выборах 1924 г.: "...Перевыборы начались в самое такое время, когда крестьянство было занято уборкой хлебов с поля, обмолот его и другие причины, так что населению были выданы окладные листы и подходил срок уплаты Ед. с/х. налога... а отсюда целесообразнее было бы проводить выборные компании [так в тексте. - Е. Ш.] со середины Ноября или [в] первых числах Декабря мес., где крестьянин более свободен" [13].

Больше всего возмущало крестьян желание партийных организаций навязать свои

кандидатуры. Они говорили: "Раз вы выставляете список фракции, то не надо было приглашать нас на собрание, выбрали бы одни"; "Нам нечего делать, всё равно коммунистов выберут" [14]. Об этом же писал А. Маленький: "Крестьяне в некоторых местах смирились с мыслью, что кроме коммунистов в сельсовете никому нельзя быть, поэтому понятие выборности начинает сливаться с понятием назначенчества". Ниже он приводит рассказ крестьянина-середняка: даже если за коммунистов подают меньше голосов, чем за иных кандидатов, их всё равно проводят в сельсовет, а хозяйственных мужиков обзывают кулаками [15].

Приведённый ниже доклад о проведении выборной кампании 1924 г. по Омскому уезду позволяет понять эмоциональное состояние как крестьян, так и представителей власти, их отношение к происшедшему.

"...Имели место заявления о необходимости закрытого голосования. При разъяснении о недопустимости такового, избиратели требовали персонального голосования и саботировали выбора, путём неучастия в голосовании, получались нелепости в виде "за" нет - и нет "против" тех кандидатов, кои выдвигались Избиркомом. Проводивших собрание, такое положение ставило в тупик, и они, по выражению докладов с мест, принимали "административные меры", выливавшиеся в роспуск собрания, в выкрики о недоверии, о кулацком засилье и т. д. и т. п., что в конечном счёте подливало масла в огонь. В таких случаях беднота молчала, по существу, не понимая важности момента, и получалась, так сказать, глухая борьба между "избирателями" и проводившими выбора, помимо бедноты.

Были случаи выставления кандидатов "знающих крестьянскую нужду", на самом деле лиц стоящих далеко не на советской платформе. А если поверхностно отнестись к такого сорта жалобам, на насилье, со стороны проводящих выборы, то действительно получается впечатление, что выборы проводились незаконно, что де каждый за кого он хочет [за того] и имеет право голосовать, что не объяснили инструкции, что мы де выдвигали уважаемого всеми односельчанина, а не какого-то, два месяца тому назад вернувшегося красноармейца, который за 4 года забыл с какой стороны и хомут надевают, а когда повнимательней проанализируешь, то обиженными являются, кои 4 года тому назад сеяли 70 десятин, а "уважаемый односельчанин" - церковный староста. Но были ляпсусы и с нашей стороны, когда собрание говорит, он (т. е. кандидат) пьяница, взяточник и т. п. делали отвод, предлагали другого, а товарищи и это расценивали, как недоверие к ним и разжигали на этом страсти" [16].

Отсюда можно сделать ряд выводов. Во-первых, крестьяне в значительной степени были привержены общинной традиции выбирать людей, показателем авторитета которых служило достигнутое ими благосостояние [17]. Во-вторых, беднота, задавленная нуждой, чувствующая свою материальную зависимость от кулака либо от государства, в большинстве своём не имела ни сил, **ни потребности** активно участвовать в политических мероприятиях. В-третьих, сибирское крестьянство, несмотря на расхожее (и в целом правильное) представление о его политической неразвитости, усвоило в какой-то мере принципы демократии: голосование тайное и персональное, а не списком. В-четвёртых, заметная уже к 1924 году социальная дифференциация деревни не уничтожала представлений крестьянства о себе как о целостном социуме. Они противопоставляли не бедных и богатых внутри своего мира, а, скорее, "своих" - местных уроженцев, таких же, как они, крестьян - "чужим": горожанам [18], представителям власти ("ответработники галифе шьют и русскую горькую пьют, получают большое жалованье" [19]), красноармейцам, отвыкшим от крестьянского хозяйства. Таким образом, можно наблюдать переплетение в общественном сознании сибирских крестьян 20-х гг. традиционных черт с новациями, вызванными политическими реалиями революции и первых лет Советской власти.

Поведение же представителей власти было более однобоким: "командование", желание в любом случае настоять на своём, грубые административные меры. Всё это показывало, что

уполномоченные по проведению выборов относились к крестьянам, как к людям, **чужим** для Советской власти, которых следовало не столько переубедить, сколько заставить подчиниться.

И всё-таки власть вынуждена была договариваться с самым крупным социальным слоем и кормильцем страны - крестьянином-средняком. Яков Яковлев буквально разжёвывает в "Практических вопросах работы советов" задачи новых перевыборов, изменение ситуации в стране и настроений крестьянства в сравнении с 1920-1921 гг. При этом он делает довольно глубокое наблюдение, поясняющее позицию власти. Он пишет, что выборы 1924 г.

"...происходили в условиях всё растущей крестьянской активности... В то же время на выборах в советы эта активность не нашла проявления. Общее понижение числа крестьян, принявших участие в выборах в советы, по сравнению с 1923 годом, показывало, что активность загоняется внутрь, ищет форм неявных и скрытых, ...что может возникнуть опасность того, что крестьянин начнёт искать способа улучшения своего положения не через советы" [20]. Действительно, в середине 20-х гг. крестьяне по всей России, в Сибири в том числе, активно выдвигают идею создания "Крестьянского союза" [21].

Меры, предлагаемые по демократизации деревенской советской жизни, формулировались пропагандистами красиво, но абстрактно. К примеру, в газетной статье "Задачи перевыборов в советы" предлагалось: выбрать в советы авторитетных депутатов. Возникает вопрос: авторитетных с чьей точки зрения? Впрочем, это поясняется в следующем пункте: "Иметь такой состав депутатов в советы, который был бы близок природе советской власти..." А какова же **на деле** социальная природа советской власти - чисто рабочая или всё-таки рабоче-крестьянская? Третье направление представляется вообще расплывчатым: "Иметь такой состав депутатов, который обеспечивал бы перелом в работе советского аппарата в деревне от преимущественного собирания и изобретения налогов и проч. повинностей [а ведь ещё недавно функция советских органов в деревне была именно такова! - Е. Ш.] к строительству новой советской деревни". Какой должна быть "новая советская деревня"? Как её строить? Какие для этого нужны депутаты? Указания касательно демократизации выборов и соблюдения законности были более чёткими: не навязывать списков и кандидатур, не стремиться "коммунизировать" советы во что бы то ни стало. Однако автор статьи ниже убеждал обеспокоенных коммунистов, что лозунг "лицом к деревне" не означает полного отказа РКП(б) от руководства крестьянской жизнью [22].

Без отвлечённых рассуждений об облике социалистической деревни брошюра, изданная Енисейским губкомом РКП(б), намечала направления работы уже после прошедших перевыборов. В ней рекомендовалось заострить внимание на недостатках: усилить хозяйственную работу по обслуживанию нужд и запросов местного населения, изжить злоупотребления, пьянство, грубость и невнимательность, чиновничий подход к людям [23]. Зато оставалось не расшифрованным, какими путями должны этого добиваться сельские партийные организации.

Дело, на наш взгляд, не только в недостатке практического опыта и идей у партийно-государственного руководства высшего и регионального уровня. Конфликт между желаемым развитием событий и реальными социально-экономическими и политическими тенденциями не находил в их умах логического разрешения - отсюда лозунговая абстрактность указаний. Органы власти высшего и среднего уровня могли только констатировать недостаточное понимание низовыми структурами и рядовыми коммунистами новаций политического курса, хотя сами, похоже, лишь интуитивно чувствовали направление, не умея его выразить.

Растущая активность сибирских крестьян, их потребность в автономном политическом существовании проявилась в таком экзотическом случае. Жители посёлка Лебедовский Новониколаевской губернии "самостоятельно [т. е. без присланного для этого уполномоченного от избирательной комиссии. - Е. Ш.] устроили выборное собрание, избрали на таковом сельсовет, а протокол собрания послали в РИК на утверждение" [24]. Этот эпизод - и особенно выделенные

нами слова - показывает, что, с одной стороны, крестьяне ощущали себя отдельным социумом, с другой - усвоили новации советской формы демократии и намеревались соблюдать её формальную сторону.

Источники позволяют выявить параметры, которым, по мнению крестьян, должны соответствовать депутаты советов. Кроме обладавших хорошими деловыми качествами, выдвигались кандидаты, имевшие определённое благосостояние, что позволяло бы им без ущерба для хозяйства заниматься общественными делами. Речь также шла о необходимости представительства национальных меньшинств и о защите интересов женщины-крестьянки, о наличии политической грамотности и о знании местных условий. Учитывалось сельскими избирателями и то, представителем какого социального слоя - бедняков, середняков или кулаков - был кандидат. Партийность при этом не играла определяющей роли: более важными были личные качества выдвигаемой персоны. Крестьяне говорили: "Партия-то хороша, да наши коммунисты плохи"; "Хоть коммунист, да наших нужд не знает" [25].

Любопытно обосновала необходимость зажиточности депутата жена торговца, лишённого за свои занятия права голоса (деревня КокуйУсть-Сосновского района Кольчугинского округа): "...Чтобы с него можно было взять, если он сделает преступление, растратит казённые деньги, а бедняка избери - он проворуется, а взять с него нечего..." [26].

И всё же крестьяне стремились предъявить выдвигаемым во власть требование "чистоты рук", используя его подчас демагогически, в своих целях. В селе Тарасово Красного района того же округа зажиточные крестьяне "кричали" против кандидатов, выдвигаемых ячейкой РКП(б): "Нам не надо воров", - имея в виду секретаря сельсовета, члена партии, который собрал с односельчан 1500 рублей, сданных ими для уплаты единого сельскохозяйственного налога, и скрылся. Предвыборное собрание было сорвано, а на следующем прошла кандидатура беспартийного зажиточного крестьянина [27].

Особо хотелось бы подчеркнуть, что для крестьян было важно, чтобы кандидат был "своим": "знал крестьянскую нужду". При этом сохранялся водораздел - нередко очень болезненный - между местными уроженцами (старожилами) и переселенцами разных лет. На осенних выборах 1924 г. кулак деревни Дурновой Красного района Щегловского уезда сагитировал "сибиряков", в том числе бедноту и середняков, бойкотировать выборное собрание, и на нём действительно присутствовали в основном "российские новосёлы", а старожилов было всего 5-6 человек. Забавно, что при этом сообщается: выборы прошли "довольно хорошо" [28]. Житель села Плёсо-Курьинское Хабаровского района Славгородского уезда Омской губернии в мае 1925 г. возмущённо писал в "Крестьянскую газету", что общим собранием села было решено лишить права голоса прибывших из голодных губерний граждан, "а ежели таковые и явятся на собрание, то чтобы и слова не могли сказать" [29].

Председатель Корниловской районной избирательной комиссии в докладе Ново-Омскомуизбиркому сообщал: "Курс на выборах со стороны избирателей был взят на середняка. Он, дескать, хороший примерный хозяин, а задняя мысль "он сумеет покрыть дефицит, на случай растраты, а в добавок он человек свой, не приезжий и нам не навязанный"". Предрайизбиркома попытался назвать причины нелюбви к "приезжим": видные ответственные работники действуют в районе всего лишь от двух недель до месяца, и их ещё не успели узнать, а прежними - "кроме отрицательной работы, отталкивающей массы от советов и партии почти ничего не сделано" [30].

Крестьянство было в целом довольно поворотом "лицом к деревне" и "оживлением советов", проявившимися в повторных выборах начала 1925 г. Но диапазон удовлетворительных настроений был довольно широк. В одних случаях отношение могло быть позитивным, приветствующим Советскую власть в связи с новыми веяниями, которые, однако, воспринимались **как должное**: "Раньше крестьянство было нуль, а теперь палочку приставили.

Почему раньше не было таких выборов, а нам навязывали". То, что хотя бы отдельные крестьяне переставали чувствовать себя "нулями без палочки", свидетельствует о росте их чувства собственного достоинства и приятии советских политических реалий - то есть об отступлении от традиционной покорности власти или безразличия к ней. Но часть крестьян - причём не только зажиточные, но и середняки и даже беднота - понимали новый политический курс как начало ухода коммунистов из руководящих советских органов и, вероятно, испытывали что-то вроде злорадства: "Скоро будем делать вычистку коммунистов..." Или - в более мягкой форме: "В верхах что-то кроется умное, чтобы не было кровопролития, сначала ставят к власти из надёжных зажиточных, ружья у всех [членов] РКП отобрали, а потом скажут - товарищи... Власть наша...". А "один тип эсеровско-кулацкого пошиба (раньше боявшийся слова сказать)" доказывал, что сельсоветы надо строить по принципу земских управ, чтобы они не имели отношения к политике, а занимались только хозяйственными функциями [31]. По поводу последнего высказывания можно заметить, что реально политические функции местных советов в 20-е (и не только) годы в основном сводились к выполнению наилучшим образом распоряжений вышестоящих органов, а самостоятельными они были в пределах сугубо хозяйственных, и то ограниченных узкими рамками самообложения и местного бюджета.

Реакция коммунистов на активизацию крестьянства и рост влияния зажиточных групп колебалась от растерянности и непонимания рядовых сельских партийцев до серьёзного намерения бороться с этими тенденциями "наверху". Один из выступавших на пленуме Омского губкома РКП(б) оценил допущение беспартийных на посты председателей РИКов как опасное: "это есть развязка крестьянской стихии". Ему ответил секретарь губкома Симонов: "Неверно говорит т. Личадеев... Линия партии вполне чётка и худо, конечно, что некоторые ячейки растерялись на местах" [32]. Думается, однако, что заклинания о партийной линии вряд ли могли развеять сомнения многих партийных работников и рядовых коммунистов.

Начальник Кольчугинского окружного отдела ОГПУ Долгов докладывал начальнику Томского губотдела ОГПУ и секретарю окружкома РКП(б): "До последних перевыборов наши РИКи были коммунистическим влиянием обеспечены, а в с/советах недостаток нашего влияния покрывали за счёт административного нажима (диктаторства) председателей сельсоветов из отдельных членов РКП(б). При допущении демократии, при разрешении из советов устроить нечто подобное парламентской говорильне, где беспартийные будут иметь право критиковать наши ошибки, секретной и партийной директивой рекомендовалось в выборах обеспечить партийное влияние в РИКах проведением из числа 11 членов пленума РИКа 6-ти коммунистов, "хотя бы и членов РЛКСМ". ...В 6-ти РИКах [из одиннадцати] указанная директива выполнена и партвлиание обеспечено. В остальных же руководителями выборов и [в] РИКах на партдирективу обратили мало внимания, быть может, не понимая, что какая бы то ни была нездоровая критика, или какие бы то ни были неверные предложения со стороны беспартийных на пленуме, при обеспеченном партийном влиянии путём простого поднятия рук (голосования) терпели бы поражение" [33]. Этот документ - как и ряд подобных, предназначенных не для пропаганды, а для "внутреннего пользования", - привлекает откровенно выраженной позицией, ярко характеризующей менталитет руководящего слоя. Обратим внимание на представления работника ОГПУ о том, как должна осуществляться власть в советском государстве: не путём "парламентской говорильни", а централизованно и монолитно, даже при соблюдении демократических процедур, становящихся декоративными.

Таким образом, партийные и государственные структуры всех подсистем и уровней были хорошо осведомлены о взглядах крестьянства на местные советы и попытки их демократизации. Можно констатировать рост доверия - хотя и не однозначный - сибирских крестьян к местным органам власти. При этом на традиции крестьянского самоуправления довольно-таки органично

наслаивались новации советского времени, приходя порой в определённое противоречие с политическим курсом. Намерение партии заниматься расширением участия крестьян в государственных органах, по всей видимости, первоначально было серьёзным, хотя и не дождалось ясного словесного оформления. Однако активизация среднего и зажиточного крестьянства побудила партийно-государственное руководство отступить. Но вместо прямолинейного насаждения коммунистов в советский аппарат в последующем использовался более тонкий метод: усиление работы с беднотой под руководством партийных организаций.

-
- [1] См.: Пожарова В.И. Сибирская партийная организация в борьбе за укрепление советского аппарата на местах // Деятельность Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома в 1919-1925 гг. Новосибирск, 1960. С. 163-190; Измерова Е.Н. Партийное руководство сельскими советами Западной Сибири в 1921-1925 гг. // Историография партийного руководства социалистическим строительством в Сибири. Новосибирск, 1990. С. 79-90; Ящук Т.Ф. Проблемы партийного руководства государственным аппаратом в литературе 20-х гг. // Там же. С. 33-40. Статья В.И. Пожаровой носит обзорный характер. Т.Ф. Ящук приходит к выводу, что в литературе 1920-х гг. не говорилось о деятельности партии по демократизации государственного аппарата. Е.Н. Измерова тоже отмечает недостаточную изученность этой проблемы - но уже применительно к историографии конца 1980-х гг.
- [2] См.: Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 2. Теория и методология. Словарь. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск, 1998. С. 283.
- [3] Кузнецов И.С. Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е годы. Дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1992. С. 255, 264-269.
- [4] Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917-1937 гг.). Новосибирск, 1983. С. 165-166.
- [5] Гущин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е - середина 1930-х гг.). Новосибирск, 1987. С. 114-116. См. также: Ильиных В.А. Соотношение форм классовой борьбы в сибирской деревне в условиях нэпа (1924-1927 гг.) // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990. Особо любопытен вывод В.А. Ильиных о том, что политическая ситуация в это время оставалась в целом стабильной, хотя содержала в себе корни будущего обострения, а партийные и советские органы были внутренне готовы перейти к мерам принуждения. (Ильиных В.А. Указ.соч. С. 105). Последнее утверждение в рамках цитируемой статьи является, скорее, гипотезой, интуитивным пониманием внутренней логики представителей власти.
- [6] ГАОО. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 27. Л. 41-41об. Стилистические и грамматические особенности подлинника здесь и далее сохраняются.
- [7] ГАКемО. Ф. П-47. Оп. 1. Д. 407. Л. 35.
- [8] ГАОО. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 27. Л. 84, 92, 92 об.
- [9] Яковлев Я. Практические вопросы работы советов. М.-Л., 1925. С. 19.
- [10] Советская Сибирь. 1925. 7 февр. С. 4.
- [11] Отчёт Алтайского губернского исполнительного комитета 7-му очередному губернскому съезду Советов за 1923-24 хозяйственный год и 1-ю кварту 1924-25 г. Барнаул, 1925. С. 15-16.
- [12] ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 126. Л. 1об.
- [13] ГАКемО. Ф. Р-165. Оп. 1. Д. 14. Л. 57.
- [14] Там же. Д. 12. Л. 299-300; ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 126. Л. 1об.
- [15] Советская Сибирь. 1925. 7 февр. С. 4.
- [16] ГАОО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 309. Л. 55об.-56. Тот же документ - в ГАНО: Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1316. Л.

28об. -29. О недовольстве крестьян проталкиванием в советы "тех партийных, которые замешаны в махинациях с денежной кассой" пишет Медведев Н.А. Как уничтожали класс: читая архивные документы. Оконешниково, 2003. С. 3.

[17] См.: Осокина В.Я. Социалистическое строительство в деревне и община. 1920-1933. М., 1978. С. 36.

[18] "Ревность к городу" как широко распространённую черту 20-х гг. отмечают И.С. Кузнецов (Указ.соч. С. 99-100), Н.Я. Гущин и В.И. Ильиных (Указ. соч. С. 121) и др.

[19] Медведев Н. А. Указ. соч. С. 6.

[20] Яковлев Я. Указ. соч. С. 115-116.

[21] См.: Крестьянство Сибири... С. 141; Гущин Н.Я., Ильиных В.А. Указ.соч. С. 122.

[22] Советская Сибирь. 1925. 28 февр. С. 2.

[23] ГАНО. Ф. П-2. Оп. 7. Д. 81. С. 6-7.

[24] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 87. Л. 11.

[25] Бюллетень Омского губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1925. № 13/38 - 14/39 (25 мая).

[26] ГАКемО. Ф. Р-165. Оп. 1. Д. 34. Л. 75.

[27] Там же. Л. 73-74.

[28] Там же. Д. 12. Л. 300.

[29] Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах. М., 2001. С. 155.

[30] ГАОО. Ф. Р-150. Д. 309. Л. 28.

[31] Там же. Л. 1об., 24об., 47об.; ГАКемО. Ф. Р-165. Оп. 1. Д. 34. Л. 58-59.

[32] ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1. Л. 42, 47.

[33] ГАКемО. Ф. Р-165. Оп. 1. Д. 34. Л. 83-84.